

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Жан-Кристоф Гранже

Полет аистов

Багровые реки

Братство камня

Черная линия

Империя Волков

Присягнувшие тьме

Мизерере

Лес мертвецов

Пассажир

ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ

ПАССАЖИР

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Г 77

Jean-Christophe Grangé
LE PASSAGER
© Éditions Albin Michel — Paris 2011

Перевод с французского
Елены Головиной (ч. I–III), Александры Ратай (ч. IV–V)

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Гранже Ж.-К.

Г 77   Пассажир : роман / Жан-Кристоф Гранже ; пер. с фр.
Е. Головиной, А. Ратай. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус,
2019. — 672 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-04580-4

Встреча с пациентом, страдающим амнезией, приводит психиатра Матиаса Фрера к ужасному открытию: у него тот же синдром «пассажира без багажа». Раз за разом он теряет память и из осколков прошлого создает себе новую личность. Чтобы обрести свое подлинное «я», ему придется пройти через все свои прежние ипостаси. Фрера преследуют загадочные убийцы в черном, за ним гонится полиция, убежденная, что именно он — серийный маньяк, совершивший жуткие убийства, имитирующие древнегреческие мифы. Да он и сам не уверен в своей невиновности... Как ему выбраться из этого лабиринта? Быть может, лейтенант полиции Анаис Шатле, для которой он главный подозреваемый, дарует ему путеводную нить?

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

© Е. В. Головина (ч. I–III), перевод, 2012
© А. А. Ратай (ч. IV–V), перевод, 2012
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2012
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-04580-4

Мишель Рока-Фелиппо посвящается

I

Матиас Фрер

Звонок проник в сознание раскаленной иглой.

Ему снилась залитая солнцем стена. Он шел вдоль белой загородки, следуя за своей тенью. У стены не было ни начала, ни конца. Стена была целой вселенной. Гладкой, слепяще-яркой, равнодушной...

Снова звонок.

Он открыл глаза. Взглянул на светящиеся цифры стоящего рядом электронного будильника. 4.02. На ощупь поискал телефон. Рука шарилась в пустоте. Тут он вспомнил, что заснул в комнате отдыха. Мобильник нашелся в кармане халата. Он посмотрел на экран. Номер незнакомый. Молча нажал нужную кнопку.

Темноту пререзал голос:

— Доктор Фрер?

Он не ответил.

— Вы доктор Матиас Фрер, дежурный психиатр?

Голос доносился откуда-то издалека. Как будто из того же сна. Стена, ослепительный свет, тень...

— Да, я слушаю, — отозвался он наконец.

— Говорит доктор Филон. Я дежурю в квартале Сен-Жан-Бельсье.

— Почему вы звоните мне на этот номер?

— Мне его дали. Я вас от чего-то оторвал?

Глаза понемногу привыкали к темноте. Негатоскоп. Металлический стол. Шкаф с лекарствами, запертый на два замка. Комната отдыха располагалась в обычном смотровом кабинете, и он сам выключил в нем свет. И спал на кушетке для пациентов.

— Что случилось? — проворчал он, поднимаясь на ноги.

— На вокзале Сен-Жан произошло что-то странное. Около полуночи дежурная охрана задержала мужчину. Бродяга. Прятался в смазочной, возле железнодорожных путей.

Врач явно нервничал. Фрер еще раз посмотрел на будильник: 4.05.

— Бродягу отвели в медпункт и оттуда позвонили в комиссариат на бульваре Капуцинов. За ним приехали из полиции. Они-то меня и вызвали. Я осмотрел его прямо там.

— Он что, ранен?

— Нет. Но он совершенно ничего не помнит. Вот это-то и странно.

— А он не притворяется? — сдержав зевок, спросил Фрер.

— Это уж вам судить, вы же специалист. Но лично мне кажется, что нет. У него такой вид... Отсутствующий. Как будто он не здесь, а где-то еще. Вернее сказать, нигде.

— Мне будут звонить из полиции?

— Нет. Патрульные с улицы Бак уже везут его к вам.

— Спасибо, — иронически поблагодарил он.

— Кроме шуток. Вы сможете ему помочь. Я в этом уверен.

— Вы написали медицинское заключение?

— Они взяли его с собой. Удачи вам.

И он повесил трубку, торопясь покончить с этим делом. Маттиас Фрер стоял не двигаясь и не зажигая света. В ушах настойчиво пикал сигнал отбоя. Да уж, ночь выдалась еще та. Развлечения начались в девять вечера. В корпусе стационара новенький сделал кучу прямо в палате, после чего наелся собственного дерьма и сломал запястье медбрату. Ровно через полчаса в западном корпусе пациентка с шизофренией выломала из пола кусок линолеума и попыталась вскрыть себе вены. Фрер оказал ей первую помощь и перевел в Пелегрэн.

В полночь он прилег вздремнуть. Но не проспал и часа, потому что еще один пациент вырвался на улицу в чем мать родила и принялся носиться по территории, оглашая окрестности оглушительными звуками пластмассовой дудки. Пришлось всадить ему тройную дозу седативного, а потом успокаивать тех, кого он перебудил своим сольным концертом. В это же время у парнишки из токсикологического отделения случился приступ эпилепсии. Пока Фрер до него добирался, бедолага успел прокусить себе язык. Изо рта у него хлестала кровь. Он так бился, что они держали его вчетвером. Но все-таки ухитрился стянуть у Фрера из кармана мобильник. Психиатр дождался, пока стихнут судороги, и лишь после этого разжал пальцы эпилептика и забрал у него аппарат, весь заляпанный кровью.

В половине четвертого он опять прилег. Передышка длилась ровно полчаса, и прервал ее этот дурацкий звонок. *Дерьмо.*

Он по-прежнему сидел в темноте не двигаясь. В телефоне все так же пикали гудки отбоя, буравя бесформенный мрак комнаты призрачными звуками.

Он сунул мобильник в карман и встал. Перед глазами возникла белая стена из его сна. Женский голос прошептал: «Feliz...» По-испански «Фелис» означает «счастливый». Но при чем тут испанский? И откуда взялась эта женщина? В глубине левого глаза вспыхнула привычная колющая боль, неизбежно встречавшая его при пробуждении. Он потер пальцами веки и напилсь воды из-под крана.

На ощупь добрался до двери и открыл ее мастер-ключом.

Ложась спать, он заперся в комнате — здесь находился шкаф с лекарствами, святой Грааль всего отделения.

Через пять минут он уже шагал по скользкой дорожке, соединявшей корпуса больницы. С вечера на Бордо лег туман — густой, белесый, невероятно плотный. Фрер поднял воротник плаща, который накинуд поверх халата. К запаху сырости примешивались морские испарения, и он непроизвольно сморщил нос.

Он шел по центральной аллее. Уже в трех метрах впереди не было видно ничего, но он успел выучить окрестный пейзаж наизусть. Низкие корпуса в серой штукатурке, горбатые крыши, квадратные лужайки... Конечно, он мог отправить за новеньким медбрата, но он предпочитал лично встречать каждого из своих «клиентов».

Он пересек внутренний дворик, по сторонам которого росло несколько пальм. Обычно один вид этих деревьев, завезенных с Антильских островов, внушал ему толику оптимизма. Но только не нынче ночью. Холод и сырость оказались сильнее. Он дошел до ворот, помахал рукой охраннику и ступил за ограду. А вот и полиция. Фонарь на крыше автомобиля вращался медленно и беззвучно, словно маяк на краю вселенной.

Фрер прикрыл глаза. Боль под веком не утихала. Он не обращал на нее внимания, убежденный в ее психосоматическом характере. Дни напролет он занимался тем, что лечил душевные расстройства, и хорошо знал, что они всегда проявляются в телесных недомоганиях. Почему же его собственный организм должен вести себя иначе?

Он открыл глаза. Из машины выбирались полицейский и еще один мужчина в штатском. Фрер понял, почему у звонившего ему врача был такой испуганный голос. Потерявший память человек оказался настоящим великаном. Рост наверняка около двух метров, вес — килограммов сто тридцать. На нем была шляпа — настоящий техасский стетсон, на ногах — узконосые кожаные сапоги со скошенным каблуком. Темно-серый плащ был ему явно мал. В руках он держал пластиковый пакет с логотипом «G20» и крафтовый конверт, судя по всему набитый документами.

Полицейский сделал было шаг навстречу Фреру, но тот знаком велел ему оставаться на месте, а сам приблизился к ковбою. С каждым шагом боль делалась все острее и нестерпимее. В уголке глаза задержалась мелкая мышца.

— Добрый вечер, — обратился он к мужчине, замерев в нескольких метрах от него.

Тот не ответил на приветствие. Он вообще не пошевелился. Его силуэт, освещаемый фонарем, едва выступал из мутной мороси. Фрер повернулся к полицейскому, который держался в отдалении, положив руку на бедро, готовый вмешаться в любую минуту.

— Спасибо. Вы можете ехать.

— А разве вам не нужен рапорт?

— Пришлете утром протокол.

Полицейский поклонился, отошел и нырнул в машину, которая через секунду бесследно растаяла в тумане.

Двое мужчин остались стоять лицом друг к другу, разделенные лишь полосой белесого пара.

— Я доктор Матиас Фрер, — наконец произнес психиатр. — Возглавляю в этой больнице отделение скорой помощи.

— Вы будете меня лечить?

Низкий голос звучал приглушенно. Фрер не мог разглядеть черты лица мужчины, скрадываемые тенью от стетсоновской шляпы. Но он точно напоминал мультяшного великана. Нос картошкой, людоедская пасть, тяжелый подбородок.

— Как вы себя чувствуете?

— Надо, чтобы меня вылечили.

— Пойдемте со мной?

Он не пошевелился.

— Пойдемте же. — Фрер протянул ему руку. — Мы вам поможем.

Чисто рефлекторно мужчина отступил на шаг и попал под луч фонаря. Фрер увидел, что его предположения подтвердились. Лицо немного детское и какое-то непропорциональное. На вид лет пятьдесят. Из-под шляпы выглядывают пряди начавших сесть волос.

— Пойдемте, пойдемте. Все будет хорошо.

Фрер говорил самым убедительным тоном, на какой был способен. У душевнобольных обостренная восприимчивость. Они сразу чувствуют, если их хотят обмануть. С ними нельзя крутить. *Карты на стол* — вот главный принцип работы психиатра.

Потерявший память мужчина решился сделать первый шаг. Фрер развернулся — руки в карманах плаща — и непринужденной походкой двинулся в сторону больницы. Он старался не оглядываться — давал больному понять, что доверяет ему.

Они дошли до подъезда. Матиас дышал через рот, глотая холодный, напитанный влагой воздух, словно сосал ледышки. Как же он устал. Недосып, туман, но главное — это вечное чувство беспомощности перед безумием, ежедневно множившим свои лица...

Что припас для него этот новый пациент? Сумеет ли он сделать для него хоть что-нибудь? Фрер понимал, что шансов узнать о прошлом этого человека очень мало. А шансов исцелить его — и того меньше.

Это и есть психиатрия.

Попытка вычерпать воду из тонущей лодки с помощью наперстка.

Было 9 часов утра, когда он сел в свою машину — подержанную «вольво»-универсал, купленную им по приезду в Бордо полтора месяца тому назад. Он мог бы дойти до дома пешком — он жил меньше чем в километре от больницы, — но взял за правило хоть немного посидеть за рулем, пусть и старой колымачи.

Специализированный медицинский центр имени Пьера Жана располагался в юго-западной части города, неподалеку от

клиники имени Пелегрена. Фрер жил в квартале Флеминг, между Пелегреном и университетским городком, точно на границе Бордо, Пессака и Таланса. Район, в котором он обитал, представлял собой безликое скопление розовых домов под черепичными крышами, неотличимых один от другого, с подстриженными живыми изгородями и крошечными палисадниками — символом «частной собственности». Счастье по мерке маленького человека, повторяющееся улица за улицей, словно вышедшие из моды игрушки на ленте фабричного конвейера.

Фрер ехал с черепашьей скоростью, пробираясь сквозь туман, никак не желавший подниматься. Видимость была почти нулевая, но он не расстраивался — этот город его нисколько не интересовал. Ему говорили: «Вот увидите, это маленький Париж». Или: «Жить в этом городе очень престижно». Или: «Это Олимп виноделия». Ему много чего наговорили. Но он так ничего и не увидел. Он смутно ощущал, что Бордо — город буржуазный, высокомерный и... смертоносный. Холодный и плоский. Город, на каждом углу которого веяло удушливой атмосферой провинциального особняка.

Ему так и не довелось столкнуться с иным ликом Бордо, воплощением которого служила его знаменитая буржуазия. Его коллеги-психиатры по большей части были убежденные леваки и сокрушители традиций. Горластые скандалисты, они сами не понимали, что являются неотъемлемой частью того класса, который нещадно критикуют. Он ограничил общение с ними болтовней за обедом. Темы разговоров не менялись — забавные истории про психов, глотающих вилки, гневные тирады против французской системы психиатрической помощи, планы на отпуск и пенсионные отчисления.

Но даже захоти он проникнуть в бордоское общество, это ему не удалось бы. Он страдал непростительным недостатком — не пил вина. В Аквитании это равнозначно тому, как если бы он был слепым, глухим или паралитиком. Никто ни в чем его не упрекал, но всеобщее молчание было красноречивее любых слов. Нет вина — нет друзей. В Бордо это закон. Вот так просто. Ему никто не звонил, не присылал эсэмэсок и писем по электронной почте. Разве что строго по делу, на внутреннем больничном сервере.

Он доехал до своего квартала.

Каждый дом здесь носил имя какого-нибудь драгоценного камня. Топаз. Бриллиант. Бирюза... Надо же было хоть как-то отличать дома один от другого. Фрер жил в «Опале». Первое время ему казалось, что он выбрал эту развалюху, потому что она располагалась близко к больнице. Но он заблуждался. Он поселился в этом квартале потому, что он был никаким. Не имел своего лица. Как хамелеон. А ему было необходимо раствориться в пейзаже. Он приехал сюда не просто так. Он хотел перечеркнуть жирной чертой свое парижское прошлое. Вместе с человеком, которым он когда-то был: известным врачом, пользовавшимся в среде коллег уважением и даже почтением.

Он припарковал машину в нескольких метрах от дома. Из-за тумана муниципальные власти оставили гореть фонари, хотя наступало утро.

Гаражом он никогда не пользовался. Едва выбравшись из машины, испытал неприятное ощущение, словно нырнул в бассейн с молочно-мутной водой. В воздухе висели миллиарды крошечных капель, как на полотне пуантилиста.

Он ускорил шаг, на ходу роясь в карманах плаща. Еще раз поднял повыше воротник — шею покалывало ледяное прикосновение тумана. Ни дать ни взять — частный детектив из старого голливудского фильма, подумал он о себе, — одинокий герой в поисках света.

Толкнув садовую калитку, он пересек протянувшуюся на несколько метров, блестящую влагой лужайку и повернул в замоchnой скважине ключ.

Внутри дома обстановка также не отличалась оригинальностью. Расположение комнат такое же, как в десятке, если не в сотне похожих домов: прихожая, гостиная, кухня, спальни. Даже материалы одни и те же. Рассохшийся паркет. Оштукатуренные белые стены. Фанерованные двери. Жители района выражали свою индивидуальность с помощью мебели.

Он скинул плащ и, не зажигая света, прошел на кухню. Оригинальность Фрера заключалась в том, что у него вообще не было — ну, почти не было — мебели. Коробки с его пожитками стояли, так и не распакованные, вдоль стен, служа помещению своего рода декором. Он жил в типовой эталонной квартире, которую показывают будущим владельцам. Вот только сам эталон оставлял желать много лучшего...

Он заварил чай при свете уличного фонаря. Взвесил свои шансы уснуть хотя бы на пару часов. Пришел к выводу, что они стремятся к нулю. В час дня ему снова заступать на дежурство. Пожалуй, лучше посвятить оставшееся время работе над историями болезни. Следующая рабочая смена закончится в десять вечера. Вот тогда он и рухнет спать, даже ужинать не станет, включит по телевизору какую-нибудь музыкальную ерунду и заснет. На следующий день — это будет воскресенье — он в точности повторит ту же программу, вздремнет днем и как следует выспится ночью. Тогда к понедельнику он будет готов включиться в работу в более или менее нормальном состоянии.

Наблюдая за листочками чая, разбухавшими в кипятке, он внушал себе, что должен переходить к активным действиям. Отказаться от внеплановых дежурств. Заставить себя вести более здоровый образ жизни. Заняться спортом. Питаться по часам... Впрочем, он знал, что подобные размышления *уже* успели войти неотъемлемой составной частью в его бестолковое, однообразное, бесцельное существование.

Как был, стоя, он вынул из чайника ситечко и некоторое время созерцал темно-коричневую жидкость — точное отражение его мозга, погрязшего в черных мыслях. Да, сказал он себе, снова погружая ситечко с листьями в чай, он приехал сюда в надежде спрятаться в чужом безумии. Чтобы быстрее забыть о *своем собственном*.

Двумя годами раньше сорокатрехлетний Матиас Фрер, работавший в специализированном медицинском центре в Вильюифе, допустил нарушение врачебной этики — самое страшное из всех возможных. Он спал с пациенткой. Анна Мария Штрауб. Диагноз: шизофрения и маниакально-депрессивный психоз. Хроническая форма. Что означало: она осуждена провести всю жизнь в психиатрической больнице и здесь же умереть. Вспоминая о своем проступке, Фрер сам с трудом в него верил. Он переступил через главное табу медика.

В то же время в этой истории не было ничего болезненно-извращенного. Если бы он познакомился с Анной Марией за стенами больницы, то мгновенно влюбился бы в нее. Он испытал бы к ней абсолютно то же самое непреодолимое и безрассудное влечение, какое почувствовал, в первый раз увидев ее у себя

в кабинете. Ни смиренные рубашки, ни лекарства, ни крики других больных не смогли остановить вспыхнувшую в нем страсть. Это была любовь с первого взгляда, вот и все.

В Вильжюифе Фрер жил на территории больницы, в здании, расположенном на ее окраине. Каждую ночь он шел в корпус, где находилась Анна Мария. Коридор с полами, покрытыми линолеумом. Двери с окошками. У него были ключи, открывавшие доступ во все помещения больницы. Он крался тенью собственной тени, движимый — вернее, слепо толкаемый вперед — желанием. Каждую ночь он пробирался через зал для занятий художественным творчеством и опускал глаза, чтобы не смотреть на висевшие на стенах картины Анны Марии. Она писала раны и язвы — черные, заскорузлые, отталкивающие — на красном фоне. Иногда она, по примеру Люцио Фонтаны, резала свои полотна шпателем. Разглядывая эти работы при свете дня, Матиас твердил себе, что Анна Мария — одна из самых опасных пациенток больницы. А по ночам бежал, отворачивая взгляд от ее картин, к ней в палату.

Эти ночи выжгли его дотла. Страстные объятия в запертой на ключ комнате. Таинственные, вдохновенные, колдовские ласки. Бредовые речи, жарким шепотом произносимые на ухо. «Не смотри на них, дорогой. Они совсем не злые». Она имела в виду духов, которые, по ее мнению, окружали их в темноте. Матиас ничего не отвечал, но и глаз от тьмы не прятал. «В пропасть, — повторял он про себя. — Я качусь прямо в пропасть».

Утомленный любовью, он заснул. На какой-нибудь час, может, даже меньше. Но когда он проснулся — часов около трех ночи, — тело Анны Марии висело над кроватью. Она повесилась. На *его* ремне.

На долю секунды он замер, не понимая, что произошло. Ему чудилось, что он еще спит. Он даже восхитился красотой ее силуэта с тяжелыми грудями и вновь почувствовал возбуждение. Затем в кровь ударила паника. Он вдруг понял, что все конечно. Для нее. *Для него*. Он оделся, оставив тело висеть на ремне, закрепленном за оконный шпингалет. Бегом промчался по коридорам, не встретив ни одного санитаря, и вернулся к себе, как преступник, торопящийся забиться в нору.

Задышавшись от бега, путаясь мыслями, он всадил себе в сгиб локтя дозу седативного препарата и рухнул в постель, натянув на голову одеяло.

Когда спустя двенадцать часов он проснулся, новость успела облететь всю больницу. Никто не удивился — Анна Мария уже не раз пыталась свести счеты с жизнью. Было начато расследование — с целью установить, кому принадлежит ремень. Но его происхождение так и осталось для всех загадкой. Матисаса Фрера никто не заподозрил. Его даже не допрашивали. Анна Мария Штрауб уже больше года не была его пациенткой. Близких родственников у самоубийцы не нашлось. Никто не обращался в полицию. И дело было закрыто.

С того дня Фрер продолжал выполнять свою работу словно на автопилоте, чередуя антидепрессанты и транквилизаторы. В кои-то веки сапожник оказался в сапогах. Он почти ничего не помнил об этом периоде своей жизни. Принимал больных — как в тумане. Ставил диагнозы — приблизительные. Ночами ворочался без сна. И вот наконец представилась возможность перебраться в Бордо. Он ухватился за нее обеими руками. Вырвал себя из привычной обстановки. Покидал в чемоданы одежду и прыгнул в скоростной поезд. Даже не обернувшись на прощание.

Устроившись на новом месте, он избрал совершенно иной профессиональный подход к пациентам. Не позволял работе увлечь себя. Больные перестали быть для него людьми и превратились в истории болезни, которые он аккуратно, графа за графой, заполнял. Шизофрения, депрессия, истерия, токсикомания, паранойя, аутизм... Он ставил галочки в нужных клеточках, назначал соответствующее лечение и держал дистанцию. Про него говорили, что он холодный, бездушный тип, не человек, а робот. Ну и пусть. Он дал себе слово, что больше не сблизится ни с одним пациентом. Что больше никогда не уйдет в работу с головой.

Доктор Фрер медленно возвращался к действительности. Он по-прежнему стоял у кухонного окна, глядя на пустынную, утопавшую в тумане улицу. Чай получился черным, по цвету больше похожим на кофе. Светало. За теми же изгородями стояли все те же дома. За их окнами протекала все та же жизнь, еще не вполне пробудившаяся. Субботнее утро для того и существует, чтобы отоспаться.

Только одна деталь не вписывалась в привычную картину.

Возле тротуара, метрах в пятидесяти от его дома, стоял черный внедорожник с зажженными фарами.

Фрер протер запотевшее стекло. В этот самый миг из машины вышли двое мужчин в черных пальто. Фрер прищурился. Видно было плохо, но фигуры мужчин напомнили ему киношных фэбээровцев. Или карикатурную парочку из «Людей в черном». Что им тут надо?

Может, это парни из частной охранной фирмы, нанятые жителями квартала? Но нет, вряд ли. Слишком шикарная машина. Слишком дорогие пальто. Теперь они стояли, опершись о капот внедорожника, равнодушные к морозящему дождю. И смотрели в одном направлении. У Матиаса в глубине глаза снова вспыхнула боль.

Он понял, куда смотрят промокшие мужчины из машины. Они смотрели на его дом. Точнее сказать, на него самого, застывшего в проеме кухонного окна.

Фрер вернулся в больницу к часу дня, успев перед этим прикорнуть на диване. Одежлом ему послужили папки с историями болезни. В отделении скорой помощи не было ни души. Ни измученных депрессией больных, ни мертвецки пьяных нищих, ни слетевших с катушек психопатов, схваченных во время приступа буйного помешательства прямо на улице. Вот уж повезло так повезло. Он поздоровался с медсестрами, забрал у них свою почту и отпечатанные накануне истории и пошел к себе в кабинет, служивший ему одновременно и смотровой, и комнатой отдыха.

Первым делом он вскрыл конверт с протоколом задержания в районе вокзала Сен-Жан мужчины с амнезией. Подписал документ некий Николя Пелас — капитан полицейского участка на площади Капуцинов. Вчера ночью Фрер не стал расспрашивать ковбоя и даже не пытался выяснить, что с тем произошло. Он просто осмотрел его, назначил обезболивающий укол и отправил в постель. Завтра видно будет.

Первые же строки протокола заставили Фрера забыть обо всем остальном.

Незнакомца нашли железнодорожные рабочие. Около полуночи они обнаружили, что на дверях смазочной возле первого пути сбит замок. В хибарке прятался мужчина. Когда его спро-

сили, зачем он сюда забрался, он не смог ответить ничего вразумительного, даже имени своего не назвал. Помимо стетоскопической шляпы и узконосых техасских сапог, на нем было серое шерстяное пальто, потрепанный вельветовый пиджак, хлопчатобумажный свитер с надписью «Чемпион» и дырявые джинсы. Документов, позволяющих установить его личность, при нем не оказалось. Мужчина явно пребывал в шоковом состоянии, говорил с трудом и, судя по всему, не всегда понимал, о чем его спрашивают.

Хуже того, в руках он держал два предмета, с которыми категорически не желал расставаться. Огромный разводной ключ длиной 450 миллиметров и телефонный справочник Аквитании за 1996 год — один из тех «кирпичей», что насчитывают тысячи страниц и печатаются на папиросной бумаге. На ключе и на справочнике были следы крови. Объяснить, откуда у него эти предметы, техасец не смог, как не смог сказать ничего определенного и про кровь на них.

Сотрудники железнодорожной охраны привели его в вокзальный медпункт, полагая, что он ранен. Однако осмотр показал, что на нем нет ни царапины. Следовательно, кровь на ключе и на справочнике принадлежала *кому-то другому*. Старший охранник позвонил в полицию. Через четверть часа подъехал Пелас со своими подручными. Они забрали незнакомца и вызвали районного дежурного врача, который, в свою очередь, связался с Фрером.

Допрос в полицейском участке ничего не дал. Мужчину сфотографировали и сняли у него отпечатки пальцев. Криминалисты взяли образцы слюны и волос, чтобы проверить его ДНК по базе данных Автоматизированной национальной системы генетической информации. Кроме того, на ладонях и под ногтями у незнакомца обнаружили частицы пыли, немедленно отправленные на анализ, результатов которого еще ждали. Само собой разумеется, полиция изъяла разводной ключ и телефонный справочник как *вещественные доказательства*. Вот только доказательства чего?

Звякнул сигнал вызова. Фрер бросил взгляд на часы — 15.00. Ну вот, начинается. С больными, доставленными по «скорой», и пациентами стационара безделье ему не грозило. Он быстро просмотрел сообщение на экранчике ручного монитора: проб-

лема в одиночной палате для буйных в западном корпусе. Подхватив докторский чемоданчик, он быстрым шагом направился к выходу, а по центральной аллее, по-прежнему утопавшей в тумане, уже почти бежал. Больница насчитывала дюжину корпусов. В части из них содержались больные из разных областей Аквитании, другие специализировались на определенных заболеваниях — токсикомания, сексуальные отклонения, аутизм и так далее.

Западный корпус был третьим с левой стороны. Фрер бросился вперед по центральному коридору. Белые стены, линолеум цвета беж, выведенные наружу трубы отопления — каждое здание изнутри выглядело одинаково. Ничего удивительного, что пациенты, возвращаясь сюда на повторное лечение, по долгу плутали, разыскивая свою палату.

— Что тут у вас?

Интерна его вопрос разозлил.

— А вы чего, блин, сами не видите, что тут у нас?

Фрер не обратил на грубость молодчика никакого внимания. Приблизился к смотровому окошку и пригляделся. В углу палаты, сжавшись в комок, сидела обнаженная женщина с очень белой кожей, перепачканная калом и мочой. Окровавленными пальцами она сдирала со стены побелку, совала в рот и энергично жевала.

— Сделайте ей инъекцию, — бесстрастным голосом произнес он. — Три единицы локсапака.

Он узнал ее, хотя имени не помнил. Она у них уже лежала. Должно быть, ее привезли утром. Кожа у нее была белая, как таблетка аспирина. Лицо искажено страхом. Тощая, ходячий скелет — кости так и выпирают. Она все сдирала со стены чешуйки побелки и горстями, как кукурузные хлопья, запихивала в рот. В крови у нее были не только пальцы, но и рот. И стена уже была в крови.

Фрер давным-давно отказался размышлять о бессилии психиатров. С хрониками выход был один: оглушить лошадиной дозой успокоительного и ждать, когда буря утихнет. Не бог весть что, но лучше, чем ничего.

На обратном пути он сделал крюк и заглянул в свое отделение имени Анри Эя. Здесь содержалось двадцать восемь пациентов, все — с востока области. Шизофрения. Депрессии. Паранойя. И несколько менее ясных случаев.

В приемном покое ему выдали утренний отчет. Истерический припадок. Кухонная свара. Наркоман, неизвестно где раздобывший веревку и сам себе перетянувший член. Рутин.

Фрер прошел через столовую, в которой стояла застарелая табачная вонь — психам пока еще позволялось курить. Открыл новую дверь. В нос шибануло спиртовым запахом — процедурный кабинет. Поздоровался с несколькими старыми пациентами. Толстяк в белом костюме, убежденный, что он директор института. Африканец, внимательно изучающий пол в коридоре, по которому отмахал уже много километров. Еще один мужчина с глубоко посаженными глазами — этот раскачивался на носках, словно собирался сделать цирковой кульбит.

В ординаторской он поинтересовался, как дела у новенького с амнезией. Интерн пролистал журнал. Ночь прошла спокойно. Утро тоже нормально. В 10 утра ковбоя забрали в Пелегрэн на нейробиологическое обследование, где он категорически отказался от рентгена и любых других просвечиваний. Врачи, проводившие осмотр, не обнаружили у него никаких физических повреждений. Они склонялись к мнению, что здесь случай диссоциативной амнезии, вызванной травмой эмоционального характера. Это означало, что техасец либо сам пережил, либо стал свидетелем чего-то такого, отчего у него напрочь отшибло память. Интересно, *что именно он видел?*

— Где он сейчас? В палате?

— Нет. В зале Камиллы Клодель¹.

Один из бзиков современной психиатрии — называть больничные корпуса, аллеи, отделения именами знаменитых душевнобольных. Даже в безумии есть свои кумиры. В зале Камиллы Клодель проводились лечебные занятия художественным творчеством. Фрер свернул в коридор, отпер одну из дверей по правой стороне и очутился в комнате, где пациенты рисовали, лепили, плели изделия из ивовых прутьев или складывали фигурки из бумаги.

Он миновал столы «скульпторов» и «художников» и подошел к тому, за которым сидели «корзинщики», с сосредоточенным видом мастерившие не только корзинки, но и кольца для

¹ *Камилла Клодель* (1864–1943) — известный скульптор, сестра писателя Поля Клоделя, ученица и подруга Огюста Родена, умерла в сумасшедшем доме, утверждая, что Роден присвоил ее идеи.

салфеток, и подставки под горячие блюда. Гибкие прутья колышались у них в руках, но лица оставались неподвижными, словно закаменевшими. Полное впечатление, что живыми здесь были не люди, а материал, с которым они работали.

Ковбой устроился с самого края стола. Даже сидящий, он на добрых двадцать сантиметров возвышался над остальными. Изрезанное морщинами лицо с резкими чертами, на котором светились большие голубые глаза, выглядывало из-под нелепой шляпы — и здесь он так и не пожелал с ней расстаться.

Фрер подошел поближе. Великан трудился над корзинкой в форме ладьи. У него были мозолистые руки. *Рабочий или крестьянин*, предположил психиатр.

— Добрый день.

Мужчина поднял глаза и уставился на Фрера, медленно моргая. Светлая радужка вокруг его зрачков напоминала жидкий перламутр.

— Привет, — ответил он на приветствие и указательным пальцем, как истинный герой родео, чуть приподнял шляпу.

— Что это вы делаете? Корабль? Или перчатку для пелоты?¹

— Пока сам не знаю.

— Вы бывали в Стране Басков?

— Не знаю.

Фрер ухватил стул и сел в три четверти оборота.

Сейчас же светлые глаза снова впились в него.

— Ты спихиатр?

Он отметил перестановку букв. *Дислексик?* Не прошло мимо его внимания и обращение на «ты». Но это скорее хороший знак. Матиас решил, что тоже будет тыкать пациенту.

— Меня зовут Матиас Фрер. Я заведующий этим отделением. Это я вчера вечером подписал постановление о твоей госпитализации. Ты хорошо спал?

— Мне все время снится один и тот же сон.

Незнакомец плел косичку из ивовых прутьев. В комнате витали запахи болота и влажного тростника. Кроме впечатляющей шляпы, на великане были майка и хлопчатобумажные брюки, выданные больницей. Огромные мускулистые руки покрыты седовато-рыжими волосками.

¹ *Пелота* — баскская игра в мяч.

Литературно-художественное издание

ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ
ПАССАЖИР

Ответственный редактор Александр Етоев

Редактор Анна Райская

Художественный редактор Вадим Пожидаев

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Елены Долгиной

Корректор Маргарита Ахметова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

Подписано в печать 08.04.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 42. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-RBD-11240-08-R